

## ЧЕЛОВЕК КОНСЕРВАТИВНЫЙ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ<sup>1</sup>

*Федор Августович Степун*

### CONSERVATIVE MAN AND REVOLUTIONARY SITUATION

*Fyodor Stepun*

В статье русского мыслителя Федора Августовича Степуна (1884–1965) с позиций философии Г. В. Ф. Гегеля определяется различие между действием на общество идей с их эволюционным потенциалом и идеологий, чреватых революционной опасностью.

The article of Russian thinker Fyodor Avgustovich Stepun (1884–1965) from the standpoint of the philosophy of G. W. F. Hegel is determined by the difference between the effects on society of ideas with their evolutionary potential and ideologies, with the revolutionary threat.

**Ключевые слова:** консерватизм, революционность, Г. В. Ф. Гегель, идея, идеология, царизм, доктрина «Самодержавие. Православие. Народность».

**Keywords:** conservatism, the revolutionary, G. W. F. Hegel, idea, ideology, tsarism, the doctrine of “Autocracy. Orthodoxy. Nation».

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-69-73

Чтобы правильно понять сущность консервативного человека, нужно его отграничить не только от революционера, как по большей части и происходит, но также и от реакционера. Реакционер, как и революционер, в разных смыслах, но в одинаковой степени враги эволюции. Однако это как раз элемент жизни и область действия консервативного духа. Сущность эволюции точнейшим образом знаменуется через двусмысленность гегелевского понятия «снятие». Эволюция — это большое искусство все несущественное в исторических событиях так «снимать», чтобы дать присущей им субстанциональной ценности возможность быть надежно сохраненной для будущего. Но что могло бы обнаружиться во временных вещах, которые могли бы стать

<sup>1</sup> Stepun Fedor. Der konservative Mensch und die revolutionäre Situation // Schweizer Rundschau. Monatsschrift für Geistesleben und Kultur. 57. Jahrgang 1957/58. Im Verlag der Buchdruckerei H. Borsigs Erben AG Zürich. S. 302–305.

достойны хранения на все времена? Уверен только, что форма вечности все временное улаживает. Можно было бы подумать о вечности как трансцендентном субъекте (Бог, Абсолютный Дух), как о трансцендентной идее, вроде идеи справедливости у Платона, или как о чем-то, возникшем в данном времени, но пригодном для всех времен, что как норма межличностных отношений не нуждается в более пристальном изучении. Важным является только утверждение, что сущность эволюции состоит в том, что безоговорочно обоснованное содержание истины поддерживается господством будущего, что оно перекраивается современным образом, то есть адаптируется без потери сущности к новой исторической ситуации. Только решительное достижение адаптации господствующими государственными и общественными силами дает определенный шанс избежать революционных потрясений.

Человечество редко избегает таких потрясений. В конфликте между эволюцией и революцией революция в основном побеждает. Причина фатального исхода, какими бы разными ни были его исторические черты, всегда оставалась неизменной: превращение консервативного сознания правящего слоя в реакционное.

Различие между консервативным и реакционным сознанием, вероятно, может быть более глубоко понято, если определить противопоставление как антагонизм между идеей (Платон) и идеологией (Наполеон и Маркс).

Идея — это, разумеется, духовная реальность, захватывающая человека изнутри и заставляющая всю жизнь строить по этой модели и служить ей. Типично для отношений между идеей и человеком то, что человек задумывает идею, а потом оказывается сам поглощен ею.

Идеология есть нечто противоположное. Она имитирует служение духу, но на самом деле является лишь маскировкой насилия. Люди одержимы идеями. С другой стороны, идеология нужна ее создателю, который может использовать ее по своему усмотрению в социальной борьбе.

Чтобы понять разницу, давайте подумаем о владельце фабрики, который без особых усилий поднялся снизу. Верный своему происхождению, он всегда стремился в рамках капиталистической экономики сделать все возможное для работников. Он никогда не имел дела с социализмом, потому что у него никогда не было времени на занятия наукой и потому что Бебель казался ему фанатиком. Напряженно работая, он не заметил, что время изменилось. И вдруг он узнает, что даже в его патриархальных куцах дует прохладный ветер. Во время экскурсии по фабрике он больше не видит ярких довольных лиц, к которым привык с юности. Не осознавая за собой никакой вины, он чувствует, будто его обвиняет анонимная власть духа времени. Все это приходит ему в голову благодаря разговору с одним из самых одаренных рабо-

чих, убежденным марксистом, сторонником идеи классовой борьбы, играющим немаловажную роль как в партии, так и в профсоюзе. Владелец фабрики встречает работника со всем уважением и человеческим сочувствием, но пытается дать ему понять, что прогрессивный рабочий класс в совершенно новой ситуации стремится к той же цели, к которой стремился при патриархальном капитализме: к подъему образовательного и жизненного уровня и к культивированию в работнике сознания человеческого и профессионального достоинства. Разве непонятно, что эти два человека как символические фигуры могут примириться и что таким образом надвигающаяся революция обернется эволюционным развитием?

Но избежать революции оказывается невысказанно, если в игру вступают другие представители двух классов. Вместо старого владельца фабрики на должность министра экономики назначен профессор экономики, известный защитник свободного рынка и убежденный националист, написавший известную работу против Карла Маркса<sup>1</sup>; его противник — жаждущий власти профсоюзный деятель, социалист, вооруженный очень прибыльной (в тот момент — после войны — марксизм популярен, а потому и выгоден для политиков) марксистской идеологией<sup>2</sup>. Эти двое, также понимаемые как символические фигуры, неизбежно приведут страну к революции, хотя по своему духовному облику и психологии, у обоих материалистической, они гораздо ближе друг к другу, чем первая пара.

Почему? Ответ дан во встм вышесказанном. Старый владелец фабрики и молодой рабочий — люди одной идеи, поэтому они могут понимать друг друга, даже если старый человек духовно разрушен той же идеей, которая вдохновляет жизнь молодого. Но профессор и профсоюзный руководитель — представители идеологий, одинаково выигрывающих от полемики друг против друга. Иногда эта полемика столь добросовестна, что эгоистичные идеологии кажутся объективными идеями.

Это различие объясняет как позитивный смысл идей, так и разрушительную силу идеологий и в общественной, и в личной жизни. Идеи строят мосты, опосредуют силы, они обращаются к каждому человеку на языке, который он понимает лучше всего, но все они говорят одно и то же, обращаясь к духовному центру человека, где находятся сердце, чувства и ум.

Совершенно другая ситуация с идеологиями. Они говорят со всеми людьми на одном языке — и все мимо человеческого центра. Они апеллируют к абстрактному уму, который напрягают и вытесняют, страстям, которые их перегревают, воле, которую они охватывают, и интересам, которые их стиму-

<sup>1</sup> Возможно, речь идет о Людвиге Эрхарде (1897–1977), министре экономики в правительстве Конрада Аденауэра.

<sup>2</sup> Скорее всего, имеется в виду Вилли Брандт.

лируют, делая невозможным взаимопонимание. Они правят по старому рецепту, деля человека, утратившего собственную целостность, на отдельные «зоны» и руководя деспотами.

Давайте добавим к вымышленному примеру, в котором мы попытались прояснить разницу между приверженниками идей и слугами идеологий, великий исторический пример последних лет. Как дела в России? Царизм до самого последнего момента предоставлял позитивные идеи: христианство в форме Русской православной церкви и помазанника, то есть монарха, ответственного перед Богом. Он верил в людей, преданных Богу и Царю, то есть государству с именем Святая Русь. Русский монарх чувствовал себя обязанным прийти на помощь каждому нуждающемуся христианскому народу и был уверен, что сможет это сделать, поскольку не сомневался в отношениях верности между царем и людьми, которые, подобно славянофилам, считали, что народ требовал для себя (это идея славянофилов: у общества право на свободное высказывание, у правительства власть) только свободы высказывания мнений, но власть оставлял короне. Можно ли протестовать против веры в такое соотношение власти и общества? Конечно, нет. Но как режим, основанный на таких принципах, может противостоять своему народу и миру? Есть только один ответ. Россия пришла к революции, потому что прекрасные формулы христианско-царского мировоззрения задолго до начала первой революции 1905 года перестали считаться обязательными идеями и защищались несправедливыми правителями с нечистой совестью. Вот почему пустые идеологии были отвергнуты.

\* \* \*

Формула: православие, самодержавие и народность. Но никто не чувствовал себя обязанным примирить эту троицу. Формула, насыщенная тройными символами, давно стала пустой фразой, мантрой для мятежной массы и болеутоляющим против страха. Православие было упомянуто, но не пояснялась обязанность, которая должна была возникнуть как следствие постоянного упоминания имени Христа для поддержки самодержавия; народность (Volkstum) была упомянута, но опять же — без осознания ответственности перед верными людьми. Все три слова со временем сжимались в постоянно повторяющийся призыв — самодержавия, самодержавия, самодержавия! Имея в своем распоряжении все средства, правящий режим пытался остановить время, наступая на будущее по закону прошлого. Конечно, он думал, что делает реальную политику, хотя на самом деле давно уступил позиции иллюзионистскому утопизму; это не пророческий утопизм музыки будущего, но романтически реакционный утопизм исчезнувших мудрецов. В ответ на

попытку реакционных идеологий сохранить жизнь в старых формах возникли контридеологии социалистического, коммунистического и анархистского характера, что неизбежно подразумевает революционная ситуация. В России также сбылось старое понимание того, что реакция — преддверие революции. Если романтически-реакционные утопии — это призраки ночи, прошлое, которое давно убило жизнь, но забыло ее похоронить, то революционно-пророческие утопии — утренние призраки: слишком ранние, часто даже мертвые, идеологии. Этот характер сразу очевиден для всех революционных теорий. При каждом соприкосновении с ними чувствуется, что органический рост идей, стоящих за ними, внезапно нарушается, что их тупые шипы слишком внезапно загоняются в стремительную риторику агитации. Отсюда интеллектуальный фальцет, несмотря на иррациональность революционных деклараций. Отсюда внутренняя незащищенность и раздражительность революционного сознания и возросшая волевая мощь алчущих, но всегда слабоумных революционных масс и лидеров. С превращением ведущих идей в идеологии происходит разделение идеологических армий-призраков на два враждебных военных лагеря: лагерь реакционного иллюзионизма, мечта которого в том, чтобы заставить жить под властью мертвых формул, и лагерь революционного иллюзионизма, который пытается подчинить жизнь власти еще не до конца рожденных истин. Революционная ситуация завершается. Дальнейший ход революции заключается в том, что слепая, хаотичная, но действительно существующая глубина жизни внезапно восстает против двух армий-призраков, смешивая фронты мертвых идеологий и таща их в кровавую пропасть, где они будут похоронены вместе.

*Перевод с немецкого Владимира Кантора*